Фуражка с молоточками

Дедушка девочки Даши никогда не расставался со своей фуражкой.

Он в ней и в жару, и в мороз. Он в ней и в поездку, и на сенокос. Над околышем фуражки колесо с крылышками. Такие фуражки носили в старые времена машинисты.

Однажды дед взял с собой в поездку Дашу, и она увидела паровоз. Он был черный, со звездой на чугунной груди. А внутри, в топке жарко горело пламя, свистел, вырываясь наружу, пар. Дед Иван двигал рычагами, подавал басистый голос гудок, и паровоз, тронувшись с места, мчался по рельсам. Тотчас пускался за ним вдогонку паровозный ветер — в рубашке нараспашку, лицо чумазое, кудри пропахли гарью. Дед подмигивал ему из окна, и глаза его из-под козырька блестели задорно и молодо.

Дома дед уже не казался таким молодым. Вихор надо лбом был седым, усы щеткой — тоже. И фуражка была поношенной, блестело только колесико под околышем, да молоточки под ним крест-накрест.

— Дедушка, — приставала к нему Даша, — купи себе что-нибудь новое на голову.

Дед отмахивался:

— Дорого. Лучше я куплю тебе колечко. Будешь носить — вспоминай деда. — И веселые глаза его грустнели. Скоро он выполнил свое обещание, привез внучке кольцо с бирюзовым камешком. Камешек был выточен, как цветок — незабудка.

Точь-в-точь такие голубые незабудки росли на лугу, где косили сено для коровы Зорьки. Луг был заливной, и незабудки в начале лета заливало с головой. И от этого они были здесь особенно яркие. Но камешек в колечке горел еще жарче. Вжик-вжик — без устали пела дедова коса. Даша бродила рядом, шлепала в нагретой солнцем воде босыми ногами. Сколько над водой было стрекоз! Синих, розовых, пунцовых! Они то мелькали низко над речной гладью, то взлетали высоко в воздух.

Вот и в этот день они водили свои хороводы над речными волнами.

И вдруг все, как по команде, опустились вниз. Близко у берега, среди кувшинок плыла лодка. В ней стояла девушка, тонкая, как камышинка. На голове ее сверкала корона, усыпанная драгоценными камнями. Узкие радужные крылья стояли за плечами. Девушка вышла на берег, привязала лодку.

Дунул речной ветер, крылья за спиной девушки затрепетали. Она взмахнула руками, и взлетела в воздух легко, как пушинка. Потом сплела руки над головой и закружилась. Узкие крылья ее сплелись в павлиний радужный хвост. Это была Царица стрекоз.

— Хочешь как я танцевать? — вдруг остановилась она перед Дашей. — Научу, если мне колечко с камешком отдашь. В моей короне нет такого самоцвета.

Даша покачала головой:

— Не отдам. Колечко мне подарил дед Иван, чтобы я его вспоминала.

Рассмеялась царица стрекоз:

— Вот глупая девочка! Люди все забывают. Разве не хочешь ты быть как мы — красивой и беспечной?

Зажав в кулак колечко, Даша побежала к деду. Она ничего ему не сказала. Но танца царицы стрекоз не могла забыть. И принялась мастерить себе крылья: согнула проволоку, обтянула ее марлей, и танцевала, танцевала…

Была уже осень, когда они с дедом приехали на заливной луг, чтобы увезти припасенное для Зорьки сено. Зеленые ивы у речки пожелтели, незабудки поблекли, и стрекоз было не видать.

Потом долго тянулась, и наконец миновала зима. Во дворе дед Иван рубил дрова. Небо синело, избавившись от снега, весело блестела крыша на солнце. Все казалось таким новым! Только фуражка деда Ивана еще больше состарилась и осела, словно весенний сугроб.

— Дедушка, купи себе новую, — просит Даша, — ты ведь уже купил мне кольцо.

Дед прищурился хитро:

— Фуражка старая, а крылышки на ней, да и молоточки, смотри как сверкают. Нет, мы с ней расстанемся не скоро.

Даша вздохнула:

— Только не приходи в ней ко мне в школу. У нас будет концерт.

И Даша протянула билет:

— Вот тут написано твое место.

Дед Иван только вздохнул:

— Как раз в этот день мне в поездку.

День концерта выдался погожим на редкость. Словно горячим утюгом солнце снега утюжило, бежали ручьи, воробьи купались в лужах. Даша на воробьев загляделась, поскользнулась, выпал из рук ее узелок и упал в лужу. В узелке были крылья из марли увязаны. Вымокли они и стали грязными. Стоит она, плачет, и видит сквозь слезы: мелькают рядом крылья стрекозьи.

— Нашла, о чем плакать! Иди за мной, будут у тебя крылья настоящие, новые и не из проволоки.

Привела она Дашу на заливной луг. Нетронутый снег еще лежал вокруг, но прибрежные вербы уже тянули к синему небу свое серебро. Под вербами сверкал на солнце стеклянный дом. Даша вошла. Два жука-златки — лакеи в блестящих ливреях почистили ее пальтишко и платье и провели в залу с зеркальными стенами. Сама Царица стрекоз вышла к Даше навстречу.

— Одумалась наконец-то! Что толку тебе от колечка? А за него ты получишь крылья, которых нет красивей и легче.

Царица хлопнула в ладоши, и перед ней встал Мастер — кузнечик.

Даша, словно во сне, сняла и протянула ему колечко.

— Сбей с него камешек — незабудку. Да только ровно. Камешек вставишь в мою корону, — приказала царица.

Мастер кузнечик поклонился и вышел. Влетели служанки стрекозы в синем и пунцовом. Следом два толстых шмеля — медведки, пыхтя, втащили плетеные из ивняка корзины — сетки.

И у Даши в глазах замелькало. Шуршание, сверкание… все новые крылья служанки из сеток и корзин доставали. Даша примеряла то одни, то другие. Выбрала наконец самые легкие и себе по росту. Царица стрекоз снова хлопнула в ладоши. Жужжа, влетели пчелы и осы. Осы держали зажженные свечи. Пчелы растопили на их пламени воск и прилепили к платью новые Дашины крылья.

Даша на концерт не опоздала. Объявили ее танец, и она впорхнула на школьную сцену.

Танцевала она, словно играла с речными волнами. То скользила над ними, то в них ныряла, поднимая фонтаны сверкающих брызг. То высоко взлетала над сценой, то стремглав летела вниз. В зале хлопали и кричали:

— Браво! Бис!

Назавтра в газете появилась ее фотография. Деду Ивану ее показали. Как он был горд! А потом позвонили по телефону: Дашу приглашали танцевать на праздники в Большом городе.

Дед Иван радовался:

— И у меня туда поездка. Едем вместе.

Даша нахмурилась:

— Ты будешь в своей фуражке? Нет уж, я полечу самолетом. Мне прибыть нужно раньше.

Погода в Большом городе была совсем другая. Снег там давно растаял, на деревьях уже набухли почки. Праздник решили устроить на площади. Солнце сияло, гремели оркестры. На высоком помосте прыгали клоуны, звенели веселые

песни. И вот, сверкая слюдяными крыльями, появилась танцующая летунья. Оркестр смолк, потом, спохватившись, заиграл громче. Даша танцевала, уже поднявшись высоко над площадью. Круг за кругом, круг за кругом. Прохладная голубизна неба у нее под ногами казалась ей заливным лугом. Далеко внизу были доски помоста. И все ближе горячее сверкающее солнце между облаками. И вдруг раздалось шуршание. Горячие лучи солнца растопили воск. И одно стрекозье крыло, медленно шурша, упало на помост. Даша беспомощно взмахнула руками. Зрители на площади замерли…

Паровоз деда Ивана только еще подходил к городскому вокзалу. Паровозный ветер, который мчался следом, увидел Дашу первым. Он влетел в распахнутое окошко, сорвал с деда Ивана фуражку, двумя молоточками отбил с нее крылатое колесико, и вверх подбросил. Блестящие Крылышки вдруг выросли и стали крыльями, и колесо, поднявшись над городскими башнями и куполами, крепко встало Даше под ноги. Что ей страшно, Даша не подала виду, и плавно опустилась вместе с ним. Люди хлопали, что-то кричали. Они решили, что танец так был задуман заранее.

Домой они возвращались все вместе: Дед Иван, Даша и Паровозный ветер. С тех пор каждый год, лишь наступает лето, в Большой город прилетает Паровозный ветер. Там теперь Даша учится и живет. Дед Иван ее уже ждет. Приехав, она бежит на заливной луг. Слушать, как днем и ночью стучит мастер кузнечик своим молоточком. Все хочет сбить с Дашиного колечка незабудку — камешек. Но только ничего у него не получается.

Золотая веснушка

Не было в этот день в цирке человека печальней, чем клоун Афоня. В трамвае у него украли портфель. И не было-то там ничего ценного, только рыжий парик да немного денег на новые туфли его внучке Веснушке. Парик был Афоне дороже всего, без него ему в голову, хоть убей, не приходило ничего весёлого. Да и появись он как есть на публике, все сразу увидят, что он никакой не Афоня, а Афанасьевич — старый клоун.

«Меня теперь и Пегашка, поди, слушать не станет», — печалился он.

Пегашкой звали его коня. На нём он выезжал задом наперёд на арену, Пегашка брыкался, сбрасывал своего седока, Афоня догонял его на руках и хватался за хвост, чтобы тот не убежал. А на коня сверху, с натянутой под куполом проволоки, прыгала Афонина внучка Веснушка и круг за кругом гарцевала по арене.

Веснушка по-настоящему не была Афоне внучкой. Лет пять назад, когда Афоня катал возле цирка на Пегашке ребят, к нему подошла замурзанная, чумазая девчонка.

— Ты чья? — спросил клоун.

— Сама своя.

Афоня везде узнавал — и вправду, ничья. Девчонку отмыли, и на её лице так и засияли крупные веснушки. На шее у неё висела ладанка с запиской, а в ней говорилось, что родилась девочка в ноябре в день святых Козьмы и Дамиана.

— Была бы ты парнишкой, назвал бы тебя Кузькой, а так будешь ты у меня проживать Веснушкой.

Поселилась девочка у него в каморке, стало светлее в ней, словно заглянул туда май с одуванчиками.

Афоня шутил:

— Ты их как-нибудь пересчитай. На двадцать рыжих веснушек обязательно найдётся одна золотая, счастливая.

Он стал учить внучку ходить по проволоке. Из куска красного плюша от циркового занавеса сам сшил ей туфли и, чтоб не скользили, натёр подошвы мелом. Сейчас они были уже маловаты Веснушке, но она терпела — терпит же Пегашка стёртые подковы.

— Ничего, — утешал внучку Афоня, — скоро купим тебе новые.

Вот и купил… Теперь надо ему новый парик, а про туфельки нечего и говорить.

А внучка Афони всё думала: а вдруг дед, говоря про веснушки, совсем не шутил? Пересчитала — их оказалось двадцать одна. Ну, значит, одна точно — золотая! Тогда поспешила Веснушка на Потеряиху, где жила Арефьевна, бабка-знахарка. Она вывихи правила, переломы лечила, к ней ходили все цирковые. А ещё она умела сводить родинки и бородавки.

— Мне нужно веснушку свести, — сказала девочка бабке.

Веснушка, что сидела у неё на переносице, золотилась, точно маленькая звёздочка. Арефьевна достала из печки золы, отколупнула с полена сосновой смолы, смешала их, помазала этим веснушку, забормотала:

Было липучим,
Станет сыпучим…
Не липни смолой,
Осыпься золой! —

перевела Веснушку через порог и поймала веснушку в белый платок.

Поблагодарила Арефьевну девочка, а потом спросила, где ей сменять золотую веснушку на деньги.

— Иди к часовщику, он золотишко берёт, — сказала Арефьевна и, проводив до ворот, показала дорогу к часовой будке.

Вошла Веснушка — кругом часы стоят, часовые стрелки ползут, минутные прыгают, часы тикают невпопад: тик-так. Возле окна сидит человек, весь в тёмном, в глаз его вставлено чёрное стёклышко. Девочка развернула свой платочек, часовщик взял веснушку щипцами и бросил на маленькие весы. Долго сквозь чёрное стёклышко смотрел на весы, потом сморщился, как будто его комар укусил, и протянул Веснушке погнутый пятак.

Девочка глазам не поверила:

— За мою золотую веснушку — пятак медный?

— Пятак — тоже деньги, вот так! — и часовщик подтолкнул Веснушку к двери. — Не дам я больше тебе ничего. Иди, иди!

Вдруг потемнело за окном, засверкала молния, загрохотал гром. В будке тоже потемнело. Порыв ветра распахнул двери и сорвал золотую веснушку с весов. Она вылетела в дверь золотой мушкой.

Следом выбежала и девочка, поймала веснушку, вскочила в подошедший трамвай — только её вспоминай! Трамвай привёз её на базар. А там грозы и нет. Народ толпится, продавцы зазывают. Ходит по базару цыганка, ко всем руку тянет:

— Позолоти ручку! А я погадаю!

Рука у цыганки и так золотая — вся в кольцах, браслетах. Веснушка открыла ей свою ладошку:

— Купите вот это — мне деду помочь надо.

Взглянула зорко цыганка.

— Это нельзя ни купить, ни продать. Талант это твой, твоё счастье, — махнула юбками и ушла.

Вернулась Веснушка домой, но деда не нашла. Он ходил по городу, заглядывая в переулки и дворы: не бросили ли воры где его рыжий парик? Было уже поздно, и Веснушка, устав ждать деда, пошла к Пегашке. Он теребил клочок сена и, подняв голову, вздохнул грустно:

— А в небе так много золотого овса.

Прихватив Пегашкину торбу, Веснушка забежала домой, надела туфли из красного плюша, распахнула окно и шагнула туда, где овёс был рассыпан гуще всего — в небо. Ей было не страшно, по проволоке идти гораздо страшнее. И не скользко совсем: подошвы натёрты мелом.

Она наполняла и наполняла торбу овсом, вдруг опять загрохотал гром, словно кто ударял молотом по наковальне.

Веснушка пошла туда, откуда чудился гром. Она увидела закопчённую кузницу, два кузнеца-богатыря били молотами.

И были они похожи, как братья: одинаковые волосы, одинаковое платье.

Веснушка им поклонилась. Оставив работу, они поклонились тоже.

— Вы братья, наверное? — спросила Веснушка. — Уж очень вы похожи.

— Да, мы братья, Кузьма и Демьян, — ответил один. — И кто ты, знаем тоже. Но купить у тебя золотую веснушку не можем. Может, слыхала: меж людьми нас зовут бессеребрениками. За кузнечную работу свою мы не берем с людей денег. Видишь, бежит остроухий пес? Это мы ковали для него ошейник. Беги на землю, остроухий, — потрепал его за загривок Кузьма, — пронюхай, кто у клоуна Афони портфель унес.

Кузьма нагреб из горна раскаленных углей в железный ковш.

— Положи эти угли на сердце вору, чтобы жгла его совесть.

Убежал остроушка.

Демьян попросил:

— Дай, девочка, мне свою золотую веснушку. Говорят, золото не золото, не побывав под молотом.

Положил он золотую веснушку на наковальню, несколько раз молотом по ней ударил, опустил в кадку, где плескалась прозрачная вода. А потом приложил Веснушке к переносице, она и пристала туда, где была.

— Теперь уж у тебя её не отнять, твою веснушку счастливую, — улыбнулся Кузьма.

— И никому ее не продать, — добавил Демьян. — Домой знаешь дорогу? Иди с Богом.

— Мне ещё торбу забрать нужно, — вспомнила Веснушка. — Я её полную зерна набрала.

— Тогда придётся тебе подождать.

Оставил работу Демьян, пошёл за торбой, а Кузьма всё стучал и стучал молотом, пока не сковал четыре подковы.

И вдруг раздалось знакомое ржанье.

— Пегашка? Как ты сюда прибежал? Как меня нашёл? Вон ведь какое большое небо!

— По следам твоим, наследила ты мелом по небу.

Подковали Пегашку Кузьма и Демьян золотыми подковами, взвалили на него торбу и посадили в седло Веснушку. Долго девочке вслед братья руками махали:

— Где нас искать, знаешь теперь!

Мигом домчал Пегашка до дому, встречает Веснушку клоун Афоня, держит в руках свой портфель.

Куфадей

Жила на Озерной улице бабушка Ильинична. А с ней Муркот, пестрый котище. Жили они душа в душу, но, бывало, иногда и ссорились. Поймает кот воробья, бабка увидит — давай в окошко стучать:

— Выпусти птицу, бессовестный!

Выскочит из дому и давай охаживать веником! Или заберется котище в погреб сметанки да сливок попробовать. Ильинична, если застанет, на весь день без обеда оставит. Тайком Муркот в погреб лазил. Да как ни хоронился, попался-таки. Тычет его бабка носом в сметанную лужу, приговаривает: «Вот тебе, воровнищу! Вот тебе!»

Разобиделся Муркот на хозяйку не на шутку. Стала она из погреба вылезать, а он ей и пожелал:

— Чтоб тебе с лестницы свалиться!

Оступилась Ильинична на ступеньке и сломала ногу. Еле наверх выбралась. И отправили ее соседки на больничной машине в город. Вот рад Муркот! Вот уж рад! Не успела машина отъехать, он уже в погребе. Только кто это на него из угла смотрит? Батюшки светы! Страшный какой! Худой, как скелет, в стежонку одет. На голове облезлая ушанка. И руку протягивает:

— Ну, здравствуй, котофей! А я — Куфадей!

А руки-то нету. Пусто в рукаве-то.

— Ты ко мне в гости, что ли? — спрашивает.

— Нет, — трясется от страха Муркот, — я за сметаной.

— Что ж ты боишься? — смеется безрукий, — бабки-то нет. Хорошо я ей ножку подставил? Да нет и сметаны. Хозяйка моя, Куфадеиха, унесла ее на базар. Так что здравствуй и прощевай! — и опять протянул пустой рукав. Зажмурился кот — и из погреба стрелой. Забрался на печку, из дома ни ногой. Но тут дверь отворилась: Куфадей с Куфадеихой пожаловали.

— Мы, — говорят, — теперь тут полные хозяева. — Куфадеиха сразу в шкаф с головой. Вылезла из него разнаряженная, в бабкиной юбке, в кашемировой шали. Кот опять охнул: под платком рук и в помине нет! На столе после бабушки пироги остались. Уселись за стол новые хозяева и давай их хватать. Откуда у них и руки взялись! И не руки — ручищи загребущие. Муркот хвост трубой, ходит, мурлычет:

— А мне бы сметаны мисочку!

Куфадеиха ему:

— Была да вся вышла сметана! А корову доить ни за что я не стану. Я — барыня важная, руки трудить не приважена.

Куфадей доволен:

— Куфадеиха вся в меня. Руки есть — как хватать. А дело делать — их не видать.

Перебрались новые хозяева наверх из погреба и давай таскать все из дому. Перетаскали кур на базар. Потом и петуха черед настал. Корову увели: рады, в стайке никто не мычит. Даже дрова продали безрукие:

— Зачем нам печку топить? Мы еду у торговок купим.

Продали топор и сани, даже мышеловку сбыли с рук. А мыши ушли сами. Кот Муркот отощал и погрустнел. Пропадает на озере, карасей ловит. На двух кирпичах жарит их во дворе, а сам горюет:

— Сейчас-то тепло. А осень придет, что тогда будет?

Куфадей же с Куфадейкой и в ус не дуют, всем довольны. Одно им не по нраву — лето стоит жаркое больно.

Предлагает Куфадей хозяйке:

— Переберемся снова в погреб.

— Ну нет! Ни за какие коврижки! Давай лучше сбудем лето с рук. Вот и не будет жарищи.

И ведь нашли покупателя! Того самого, что купил у них корову, кур, сани и дрова.

— Чем плохо? У всех по одному лету, а у меня будет два, — рассудил он. Приехал за покупкой на телеге. Стал лето в узлы увязывать, укладывать в короба и мешки. Все это потом — и бочки с дождями, и корзины с облаками — на телегу погрузил.

Убивается кот:

— Пропал теперь я с головой и хвостом! Увезут теплое лето, а у меня ни еды, ни дров нету! Поеду и я туда, где тепло! — Изловчился и залез в мешок. А в мешке чего только нет! И ягоды там с грибами, ласточки летают, бабочки порхают. Пригляделся в темноте и поморщился:

— Э! Да тут комары, и пауты, и осы! Этим, братцы, лучше не попадаться!

Распустил он мешок, стал гнать шершней, ос и комаров. А те расползлись по углам, притаились за швами.

Зато бабочки, пчелы и ласточки долго не ждали: вылетели из мешка и на Озерную стремглав.

— Эге! — сказал кот сам себе и открыл крышку короба с облаками.

Белые легкие облака выплыли сразу, а тяжелые темные тучи остались. Прихватил кот связку солнечных лучей, ту, что пожарче и погорячей, спрыгнул с телеги и задал деру!

На диво установилась на Озерной погода. Облака курчавятся, ласточки щебечут, теплынь, благодать…

А Куфедей с Куфадеихой маются:

— Ой, света не видать! Что толку, что продали лето? Житья от жарищи нету!

Не стерпели, ушли в погреб и крышку за собой закрыли поплотней.

Опять пропадает кот на озере, ловит карасей, сушит и впрок.

Однажды утром проснулся кот от тележного стука. Покупатель, что лето купил, пожаловал.

— Ну-ка, — говорит, — отвечай, где новые хозяева?

Струхнул Муркот:

— Не знаю.

Покупатель шуметь:

— Вы что мне продали? Разве это лето? Три недели подряд солнца нету! Комары с тучами! А ловить их некому! Ласточки где? Где пчелы? Из-за твоих Куфадеев я остался без меду! Забирай все обратно!

— Мне, — говорит хитрый кот, — тоже неприятно. Но ваше приобретенье мне совсем ни к чему. Но я его, так и быть, заберу, если кур наших вернете, дрова, корову и сани. Какое лето ни есть, а зима не за горами.

Почесал покупатель в затылке и думает про себя:

— Сбуду с рук гнилой товар, а там поглядим!

Пока ездил туда-сюда, растрясло узлы, короба и мешки, на ухабах, кочках, расплескались с дождями бочки, комары и осы разлетелись кто куда.

Кот рад не рад, что избавился от такого добра. Но для виду изобразил обиду:

— А где добро? Что я скажу хозяйке? Вы за него хоть кур и корову отдайте.

Вернул незадачливый покупатель все без разговоров.

Тут уж пришлось коту поворачиваться! Свалилось на него все хозяйство!

На хорошую-то погоду куры яйца несут корзинами, ведрами. Ломится огород от огурцов и помидоров. Хорошо хоть, доит корову соседка Ильиничны. Она и масло сбивает, сметану снимает и сливки.

Вернулась Ильинична из больницы жива-здорова. Огород обежала и сразу в погреб — спускать горшки со сметаной.

Не пускает ее кот, трется у ног.

— Не лезь туда лучше, там Куфадеи живут. Ах, загребущие! Это он, Куфадей, подставил тебе ногу!

— Ничего, — говорит Ильинична, — у меня есть подмога.

Спустилась она в погреб и давай углы крестить.

Заверещали Куфадеи:

— Ой, не надо! Мы ничего плохого не делали. Это кот сметану ест. Вот тебе крест!

Но не смогли Куфадеи ни пальцев сложить, ни руки поднять, пусты оказались у них рукава.

Наверху кот беспокоится:

— Вылезай, хозяйка, скорее!

Ильинична снизу смеется:

— Были да сплыли твои Куфадеи.

Смотрит кот вниз, а в погребе пусто. Только валяются внизу две стеганые фуфайки, которые накрывали бочки с капустой.